

Содержание

За три тысячи миль от Омахи	7
1. Разговор в Будапеште	13
2. Варвары у ворот	29
3. Человек, который сделал себя сам	40
4. Война страстей	58
5. «Смерть республиканца»	65
6. «La Requeña Rubena»	80
7. «400 миллионов»	108
8. Окончательное поражение	119
9. Великолепная изоляция	134
10. Путаница	147
11. Пустыня	160
12. Эта трудная война	175
13. Самый длинный день	189
14. Бокаж	214
15. Победа	232
16. «Ну, за тебя, малыш...»	254

17. Конец романа	268
18. Назад в СССР.....	283
19. Новый образ	307
20. Дорога смерти	320
21. Царство чувств	340
22. Как я могу стать старым?	357
23. Впереди — дельта	382
Эпилог. Легенда.....	399
Примечания.....	405
Благодарности	411
Библиография	420

Уоррену Грабанту

“

**КАПА ВСЕГДА ВИДЕЛСЯ МНЕ
В ОСЛЕПИТЕЛЬНОМ КОСТЮМЕ
МАТАДОРА, НО ЭТОТ МАТАДОР
НИКОГДА НЕ УБИВАЛ.
ВЕЛИКИЙ ИГРОК, ОН ОТВАЖНО
СРАЖАЛСЯ ЗА СЕБЯ И ДРУГИХ
В КРУГОВОРОТЕ СОБЫТИЙ.
СУДЬБА ЕГО БЫЛА ПРЕДОПРЕДЕЛЕНА:
ОН ДОЛЖЕН БЫЛ ПОГИБНУТЬ
В ЗЕНИТЕ СЛАВЫ.**

АНРИ КАРТЬЕ-БРЕССОН

”

За три тысячи миль от Омахи

Мне кажется, что Капа со всей определенностью доказал: фотоаппарат — это вовсе не холодное металлическое устройство. Как и ручка для письма, фотоаппарат есть тот, кто им снимает. Он — продолжение его разума и души.

*Джон Стейнбек, статья в журнале
«Популярная фотография»,
сентябрь 1954 года*

Однажды поздним осенним вечером я ехал через штат Виргиния на север, наблюдая, как Голубой хребет становится все выше по мере моего приближения к Бедфорду. Здесь, в Бедфорде, был сооружен первый мемориал, посвященный Дню «Д» — дню высадки союзных войск в Нормандии в 1944 году. Уже на закате я добрался до этого мемориала вместе с 85-летним Роем Стивенсом, ветераном, бывшим сержантом 1-й роты 116-го пехотного полка 29-й дивизии. Несколько раз к нам подходили очень пожилые люди, готовые поделиться своими воспоминаниями с господином Стивенсом. У некоторых в глазах стояли слезы. Это были ветераны Арденнского сражения, высадки в Анцио и битвы в Нормандии.

Позже Стивенс в подробностях рассказал мне свою историю. Рано утром 6 июня 1944 года он находился на борту десантного корабля, направлявшегося к участку нормандского побережья, носившему кодовое название Омаха-бич. Перед самой высадкой Стивенс увидел своего брата-близнеца Рэя. «Он протянул мне руку, хотел пожать, — вспоминал Рой, — но я не протянул ему в ответ свою, а вместо этого сказал: “Слушай, давай я пожму тебе руку в Вьервиль-сюр-Мер, на развилке дорог, сегодня же утром, но попозже”».

Рэй опустил голову и сказал, что этого не будет. Он был уверен в том, что не выживет. Рой Стивенс тоже не добрался до Вьервиль-сюр-Мер. Его десантный корабль затонул в нескольких сотнях метров от побережья за несколько минут до того, как на Омаха-бич хлынула первая волна американских войск. Рой Стивенс не погиб: его спас солдат 1-й роты. А на Омаха-бич он высадился лишь четыре дня спустя — и нашел там временную могилу брата и еще нескольких своих друзей.

Его брат и еще восемнадцать молодых людей из Бедфорда погибли за несколько минут, едва ступив на «кровавую Омаху», где в День «Д» разыгралась величайшая бойня. К вечеру того дня из тридцати пяти солдат 1-й роты, призванных из Бедфорда, двадцати одного уже не было в живых. Историки войны считают, что в пересчете на душу населения Бедфорд понес самые большие потери из всех американских городов.

В скромном доме господина Стивенса, напоминающем ранчо, мы до позднего вечера говорили о его брате, о Бедфорде и о войне. В конце разговора я вручил ему потрепанную книгу, которую нашел в Нью-Йорке, в букинистическом магазине. Она называлась «Образы войны» (*Images of War*).

— Это кто написал? — спросил Стивенс, пролистав книгу до 105-й страницы, на которой начиналась глава «Десант!».

— Роберт Капа, — ответил я. — Это единственный фотограф, который высадился на Омаха-бич с первой волной десанта. Со 116-м полком, на участке *Easy Red*.

— *Easy Red?* — переспросил Стивенс. — В первой волне? Он был из пехоты или из береговой охраны?

— Нет. Это был журналист, венгерский еврей. Он пошел добровольцем.

— Добровольцы — среди них были лучшие из лучших. Но и они долго не продержались.

Стивенс прочитал слова Капы: «Должен сказать, что военному корреспонденту положено больше выпивки и больше девушек. Ему лучше платят и дают больше свободы в выборе позиции. А еще он может струсить и не понести за это наказание. Военный корреспондент может сделать ставку (а ставка — жизнь) на какого угодно скакуна, а может в последний момент вообще забрать ее обратно. Я игрок. Я решил пойти с первой волной»¹.

Стивенс посмотрел на фотографию: несколько солдат из всех сил пытались выбраться на берег под сильным огнем.

— Как, говорите, его звали?

— Роберт Капа.

— Наверное, он очень хотел сделать эти снимки...

Стивенс долго сидел молча, перелистывая одну за другой еще восемьдесят страниц книги. Наконец он добрался до одной из последних фотографий Капы, сделанной в Индокитае в 1954 году, за несколько дней до его смерти в возрасте сорока лет. Стивенс закрыл книгу и откинулся на спинку кресла. Я понял, что он устал.

— А вы потом бывали на Омаха-бич? — спросил я.

¹ *Капа Роберт. Slightly Out of Focus.* — New York: Henry Holt and Company, 1947. *Капа Роберт. Скрытая перспектива / Пер. с англ. Владимира Шраги.* — СПб.: Клаудберри, 2011 (название часто переводят «Немного не в фокусе». — *Прим. пер.*).

— Да, — сказал он с гордостью. — Конечно.

Он показал мне на стену с рядами фотографий в рамках. Среди снимков были вмонтированы две медали «Пурпурное сердце» — его самого и брата. Там также висела небольшая фотография, на которой он был запечатлен идущим по Омаха-бич в 1994 году. Лицо на снимке было перекошено от волнения.

— А вы там были? — спросил он.

— Да, этой весной.

— А на кладбище?

Я кивнул. Да, в то пасхальное воскресенье я припарковал свою машину у рядов туристических автобусов. Автобусы были пусты: все пассажиры, восьмидесятилетние американцы и их родственники, уже ушли на кладбище. Там, на вершине скалы с видом на пляж длиной в шесть с половиной километров, под мраморными надгробиями были погребены тысячи их сверстников...

Сначала я поразился тому, как просто, но достойно выглядели памятники на кладбище; все они «смотрели» в одном направлении — на запад, к дому. Потом я увидел одинокую женщину средних лет. Она стояла перед могилой и рыдала. Наверное, там лежал ее отец, которого она никогда не видела. Он погиб примерно в двухстах метрах от этого памятника вместе с несколькими сотнями других американцев, которые высадились здесь в тот мрачный июньский день.

Почти шестьдесят лет эти двести метров пляжа никто не трогал. Конечно, мины, неразорвавшиеся снаряды и все другие орудия смерти отсюда убрали, но здесь остались людские души. Под сильным дождем я прошел по участку *Easy Green*, а потом преодолел восемьсот метров сектора *Easy Red*. Именно здесь Роберт Капа запечатлел, наверное, самые важные моменты двадцатого века. Именно здесь он сделал, безусловно, главные снимки в своей короткой и драматичной карьере фотографа.

Над *Easy Red* царила гнетущая тишина — несмотря на вой ветра и шум прибоя. Многих из тех, кто тогда высаживался на этот пляж, но остался жив, эта тишина оглушает. Только в кабине машины, которая спешит в город Байё, или в салоне автобуса, возвращающегося в Париж, какофония смерти снова становится сдавленным стоном и шепотом...

Несколько месяцев подряд я брал интервью у Стивенса, у других ветеранов Второй мировой: фотографов, простых солдат. И каждый раз во время встречи с ветеранами показывал им книгу «Образы войны». Многие никогда не видели фотографии Капы, сделанные на Омаха-бич, не знали о том, что он снимал другие важнейшие события пяти разных войн. Один из восьмидесятилетних ветеранов, увидев эти снимки, прикусил губу и закрыл книгу; застывшая фотография как ничто другое оживляет в памяти яркие воспоминания. Этот офицер, один из полумиллиона американцев, которые к 1945 году стали страдать от психических и нервных расстройств (так называемой усталости от войны), сидел и несколько минут молча смотрел на фотографии Дня «Д», время от времени качая головой. Другой ветеран рассмеялся над фотографией француза, вручавшего уставшим солдатам графин вина, и вспомнил такой же случай на своем долгом пути от Омаха-бич до Берлина.

Когда фотографии Капы, сделанные на Омаха-бич, увидел лейтенант Рэй Нэнс, командир Роя Стивенса, он поначалу изо всех сил старался сдерживать свои чувства. Из первой волны десанта, высаживавшегося с ним с баржи, погибли все. Все ребята, которых он знал с юных лет, погибли, не успев даже коснуться песка. Сначала Нэнс говорил медленно, будто не желая ворошить прошлое, но через несколько часов разговорился и откровенно признался, что на Омаха-бич он поверил в Бога. На свете должен быть Бог, потому что иначе как же он тогда выжил?

Только Бог мог избавить его от немецкого пулеметчика, который играл с ним в кошки-мышки, когда он один, тяжело раненный, полз двести метров по заминированному песку, сказал он в интервью.

Другие ветераны заметили, что в работах Капы нет ни одной сцены насилия — только образы, полные красоты и печали. И все они захотели больше узнать о человеке, который уловил и сохранил в черно-белых тонах забываемые моменты жизни каждого из них. Кем был этот азартный игрок? Кто оставил нам визуальное наследие, гимн исключительной силе духа человека?

I

Разговор в Будапеште

Мало иметь талант. Нужно еще быть венгром.

*Роберт Капа,
цит. по журналу Life,
19 апреля 1997 года*

Осень 1948 года... Красная звезда, нарисованная поверх старого венгерского флага на хвосте американского самолета Дуглас DC-3 («Дакота»), полученного по ленд-лизу... Роберт Капа опускает взгляд на лоскутное одеяло из крестьянских участков, мало изменившееся со времен феодализма. А вот и Дунай, река его юности... Через несколько минут его самолет уже бежит по взлетно-посадочной полосе к зданию со следами пулеметного обстрела, у которого стоят мрачные коммунистические чиновники.

Капа вернулся на родину после семнадцати лет отсутствия. Вернулся со смешанными чувствами: здесь были и ностальгия, и сильнейшее любопытство, и беспокойство по поводу того, что он найдет в этом новом

коммунистическом государстве. Повсюду он встречал напоминания о своем прежнем «я», о еврейском юноше, который не мытьем, так катаньем пытался проложить свой путь в жизни.

Многие годы прошлое Капы по большей степени оставалось загадкой даже для тех, кто думал, что хорошо его знает. Но в 1947 году его старый друг Джон Херси, автор блестящей книги «Хиросима» (1946), сорвал с Капы маску жизнерадостности, обнажив трагическое лицо человека, бежавшего от боли и ужаса. «Фотографа Капы, которому его коллеги и конкуренты приписывают лучшие снимки Второй мировой войны, просто не существует, — писал Херси в малоизвестном литературном журнале “47”. — Капа — это выдумка. Это объект в форме человека — невысокого, смуглого и ведущего себя так, как будто он к чему-то привязан. У него глаза спаниеля, старательно изображаемый верхней губой цинизм и печать удачника на лице. Этот объект ходит, называет себя Капой и считается знаменитым. Но в действительности ничего этого нет. Капа — это вымысел. Так было всегда и во всех отношениях»¹.

И вот теперь «человек, который сделал себя сам», как Херси назвал Капу, шел через зал будапештского аэропорта. Чиновники компартии, которые его ожидали, знали, что он приехал в Венгрию, чтобы подготовить материал для журнала *Holiday* — своего рода глянцевого американской библии нового поколения богатых путешественников. Вскоре Капа уже был на окраине Буды, аристократической части Будапешта, отделенной рекой Дунай от «высочки» Пешта. Прекрасный город после ожесточенной двухмесячной осады русскими войсками зимой 1944/45 года превратился в руины. «Когда глядишь

¹ *John Hersey. The Man Who Invented Himself.* Из рецензии на книгу Капы *Slightly Out of Focus* («Немного не в фокусе», в русском переводе — «Скрытая перспектива», 1947).

на сгоревшие отели и разрушенные мосты, — писал позже Капа, — столица Венгрии кажется красавицей с выбитыми зубами».

Соперничавший когда-то с Парижем по архитектуре и изысканности Будапешт был сначала изуродован нацизмом, а затем сталинизмом, который окончательно лишил город его феноменальной прелести. Теперь столица Венгрии восстанавливалась, но происходило это мучительно медленно и в основном вручную. Так, на верхних этажах старого отеля Ritz можно было видеть крошечные фигурки, которые пытались разрушить его стены примитивными кирками. Капа вышел к Дунаю. Здесь тоже в знакомой картине города чего-то не хватало. Внезапно Капа понял, чего именно: исчез мост Эржебет, названный в честь императрицы Елизаветы Баварской. В годы его юности он считался самым длинным подвесным мостом в Европе. Не осталось и следа от трех других мостов — все их взорвали в 1945 году отступавшие нацисты. На набережных стало намного меньше кафе, но Cafe Moderne, в котором его отец по утрам играл в пинокль, вместе с небольшим числом других заведений уцелело и под немецкими, и под советскими бомбами.

Преодолевая узкие улочки Пешта, шофер Капы миновал кварталы довоенной постройки, в которых когда-то жили представители деятельной еврейской буржуазии. Это были экстравагантные здания, в которых купола, шпили и башни боролись за внимание прохожих, а балконы хвастались перед ними своими причудливыми украшениями и мифологическими фигурами. Некоторые дома все еще демонстрировали уверенность в собственной значимости — несмотря на безвкусицу поддельных мрамора, бронзы и витражей в стиле ар-деко, а также осыпавшуюся штукатурку пастельных тонов.

Все улицы были засыпаны камнями и щебнем, некоторые дома испарились, как будто их никогда здесь и не

было. Устрашал своим безмолвием Еврейский квартал, в котором вырос Капа; многие из его бывших жителей встретили свою смерть в газовых камерах Аушвица. Там и сям на кованых фонарных столбах были развешаны лозунги в поддержку нового коммунистического режима.

Капу начали преследовать странные воспоминания; они, как призраки, выползали из знакомых переулков. Вот слоненок, который делал разные трюки на танцполе ночного клуба «Аризона». Вот навсегда запомнившаяся ночь, в которую его кровь текла по каменному полу отделения полиции. Это было при диктаторском режиме вице-адмирала Миклоша Хорти. Капа вернулся в Будапешт,

“

 КАПА ВЕРНУЛСЯ
 в БУДАПЕШТ,
 для того чтобы,
 как позже писал он,
 «УСЛЫШАТЬ НОВУЮ
 МУЗЫКУ». Но пока
 ЕГО ПРЕСЛЕДОВАЛИ
 СТАРЫЕ ЖУТКИЕ
 МЕЛОДИИ.
 _____”

для того чтобы, как позже писал он, «услышать новую музыку»¹. Но пока его преследовали старые жуткие мелодии: Петер Хайм, начальник полиции Хорти, имел обыкновение насвистывать начало Пятой симфонии Бетховена, когда избивал на допросах длинноволосых радикалов — таких, как Капа.

Капа поселился в отеле Bristol — единственном уцелевшем из многих знаменитых элегантных отелей Будапешта. Клерк за конторкой внимательно изучил паспорт и спросил, был ли он когда-нибудь в Голливуде. Нет ли у него там полезных связей? Вопрос напомнил ему о его первом приезде в Америку, когда на острове Эллис, самом крупном пункте приема иммигрантов в США, столь же любознательный клерк спросил его, бывал ли он когда-нибудь в Москве.

¹ *John Hersey. The Man Who Invented Himself.* Из рецензии на книгу Капы «Slightly Out of Focus» («Немного не в фокусе», в русском переводе — «Скрытая перспектива», 1947).

При поселении Капе дали скидку на его номер и адрес бара, где он мог найти последние следы буржуазного декаданса в Будапеште. Поздно ночью он добрался до этого бара и поболтал с его владелицей, 25-летней красавицей Анной, которая пожаловалась ему, что при коммунистах жить невыносимо скучно и невозможно делать бизнес. Капа сфотографировал ее: сигарета, фальшивые драгоценности, сексуальный черный топ. У нее были красивые полные губы, блестящие темные волосы и тревожный взгляд. Анна происходила из аристократической семьи и была прекрасной наездницей — до той поры, пока нацисты не увели у нее лошадей, а коммунисты не отняли владения. Анна рассказала Капе, что попыталась уехать из Венгрии, но ее задержала полиция. Теперь она ждала паспорта...

К двум часам ночи Капа почувствовал прилив сентиментальности и попросил Анну прогуляться с ним по берегу Дуная. Там, под мерцающими фонарями, он когда-то очаровывал своих первых девушек; сегодня то же произошло и с Анной... Несколько месяцев спустя он хвастался друзьям в Париже, что переспал с настоящей венгерской особой голубых кровей. До войны, говорил он, человек его круга должен был ломать перед Анной шапку и обращаться к ней не иначе, как «ваша светлость графиня Фехервар».

На следующее утро Капа вышел из отеля Bristol, обвешанный фотоаппаратами «Лейка». Кругом гремели взрывы: это подрывники сносили руины соседних гостиниц. После каждого взрыва над головами прохожих пролетал град кирпичей. Капа отправился на улицу Ваца, когда-то самый элегантный торговый район в Будапеште, если не во всей Европе. В детстве он общался там с еврейским мальчиком по имени Шандор, который работал в магазине у меховщика. Из каждых двадцати евреев Венгрии Холокост пережил только один, поэтому Капа удивился,